Преображенский

Ленин

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕД439
П 875

Е.А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

ЕД435
П875

В.И. ЛЕНИН

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ НАБРОСОК

1924
КРАСНАЯ НОВЬ
МОСКВА

Е. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

ЕД 435
П 875

В. И. ЛЕНИН

(СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ НАБРОСОК)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1924

2-ой экз.

К.

ЕД435
П875

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№ (2098)
БИБЛ
8937
4915 с.1
1062379

Главлит № 19087. Тираж 25.000 экз.

Типография „Красный Пролетарий“ Изд-ва „Красная Новь“, Пименовская ул., д. 1/16.

Посвящается

Марии Ильинишне

Ульяновой

ОТ АВТОРА.

Литература о Ленине растет с огромной быстротой. В короткий срок мы, разумеется, не получим ни одной сколько-нибудь солидной работы, какой бы стороне деятельности Владимира Ильича она ни была посвящена. Исключение могут составить разве лишь работы, начатые до его смерти. Настоящая брошюра также представляет из себя лишь беглый набросок.

Задача ее состоит в том, чтобы возбудить интерес к изучению гения Ленина, как определенного социологического феномена, как известной социальной закономерности. Я намерен продолжить работу в этом направлении при первой возможности, в особенности же в области анализа роли вождя, как одной из форм социальной организации масс в классовом обществе.

Брошюра составилась из статей, напечатанных в «Правде», «Прожекторе», в «Красной Нови» и «Под знаменем марксизма».

Е. П.

5/III—24 г.

I.

Несколько общих замечаний.

Первый период. Партия — это несколько немногочисленных кружков на всю Россию. Их задачи: с одной стороны — связаться с передовыми рабочими, с другой стороны — вести решительную борьбу с народниками за теорию Маркса и марксистское понимание законов экономического развития страны. Тов. Ленин стоит в первых рядах организационной работы, он бросается также в бой и в теоретической области. Принято было думать, что первым легальным выступлением марксизма на русской почве были «Критические заметки об экономическом развитии России» П. Струве в 1894 г. Недавно найденная, наконец, гектографированная статья тов. Ленина, относящаяся к 1893 году и посвященная в общем тому же вопросу, доказывает, что приоритет политики легального выступления марксизма в России принадлежит т. Ленину. Кроме того, это был именно марксизм, а не его либерально-струвистская фальсификация. В то время как Г. В. Плеханов наступал на народников и оборонялся от критиков Маркса по общим вопросам теории, тов. Ленин наносит сокрушительный удар им на основе изучения фактов нашей экономики. В своей книге «Развитие капитализма в России» он осыпал позиции сентиментальных самобытников-народников пулеметным дождем объективных цифр, которые разрушили все мелкобуржуазные утопии насчет особого пути развития России в сравнении с «гнилым» капиталистическим Западом.

Начинается борьба с экономизмом, этим первым меньшевистским искажением марксизма и его тактики. Тов. Ленин впереди всех в этой борьбе. Его «Что делать?» является

формулировкой позиции, диаметрально-противоположной экономизму. В этой брошюре дан уже в грубых чертах организационный силуэт большевистской партии. В этот период тов. Ленин является душой первой революционной «Искры» и всего искровского течения. «Искра» начинает гаснуть потом, как орган революционного марксизма, когда переходит после раскола в руки Мартова и К°. В нерасколовшейся партии вождем был Плеханов, но уже тогда всем было ясно, кто его заменит, если он окажется не на месте. В 1903 году на втором партийном съезде произошел раскол, от которого ведет свое происхождение наша партия (сначала большевики назывались большевистами, меньшевики—меньшевистами). Он твердо ведет к расколу революционное крыло партии. Он начинает распознавать уже тогда в меньшевиках российскую разновидность международного оппортунизма (т.-е. агентуру буржуазии в рядах пролетариата), окрашенную в более розовый цвет лишь благодаря политическим условиям страны и подпольному существованию всей партии. Эта мысль, которая казалась тогда преувеличением даже некоторым большевикам, руководила тов. Лениным во всей его тактике по отношению к меньшевикам. Непонимание этой мысли приводит к ошибкам и колебаниям во взглядах отдельных групп и отдельных товарищей нашей партии. Наоборот, благодаря правильным выводам из этой мысли т. Ленин всегда оказывался прав во всех разногласиях с членами партии по этим вопросам.

Наступает революция 1905 года. Партия превращается в один из важнейших факторов политической жизни страны. Начинается борьба на больших количествах, в движение вовлекаются массы. И здесь-то, хотя пока еще в национальных пределах, начинает развертываться основной талант т. Ленина, развертывается несравненный тактический гений Владимира Ильича. Он дает глубоко правильный анализ классовых сил, действующих в революции, он отстаивает линию гегемонии пролетариата в революции, он впервые дает классически ясную формулировку роли крестьянства в нашей революции, этой пехоты, руководимой пролетариатом, он рассматривает буржуазию, несмотря на ее—до поры, до времени — либеральные тенденции, как одну из основных сил контр-революции, он отчетливо формулирует ту мысль, что буржуазно-демократическая революция (тогда шла речь только о такой революции) может быть доведена до конца лишь рабоче-крестьянским блоком под ру-

ководством пролетариата и в борьбе с самой буржуазией, либо революция не восторжествует вовсе. Первая революция 1905 года, в которой крестьянство не поддержало пролетариата, а буржуазия потянулась в лагерь реакции, полностью оправдала этот прогноз своей неудачей. Февральская и Октябрьская революции 1917 г. (если считать их двумя революциями, а не двумя фазами одной революции) полностью подтвердили правильность этого прогноза своим полным успехом.

Революция разбита. Нужно работать в новых условиях, на основе нового соотношения сил, не обещающего уже завтра нового взъема революционной волны, как бы она ни была неизбежна вообще.

Тов. Ленин ошибается [1]) вместе с партией, недооценившей размера и последствий поражения декабрьского восстания в 1905 г. Но тов. Ленин первый замечает ошибку и первый выступает за ее немедленное исправление, считая необходимым участие партии в выборах во вторую государственную думу. Большинство фракции большевиков было против выборов в третью думу. Тов. Ленин один в русской делегации голосовал за выборы на партийной конференции 1907 г. в Финляндии. Как и всегда, он не делал уступок, когда считал себя правым. Решение о выборах было принято голосами меньшевиков и польских с.-д. большевиков. Прав оказался тов. Ленин. Позднее среди большевиков усилилось течение за слияние с теми меньшевиками, которые также порвут с ликвидаторами, как большевики порвали с отзовистами. Почти все члены пленума ЦК за слияние. Тов. Ленин против. Проходит несколько месяцев, и все видят, что он был прав. Я не буду говорить о роли тов. Ленина в период реакции, когда надо было плыть «против течения», и он был, как всегда, рулевым.

Появляются предвестники нового подъема. Владимир Ильич прилагает все усилия к тому, чтобы сколотить остатки надломленных организаций в России, посылает публику на российскую работу, волнуется от каждой неудачи, радостно потирает руки при каждом известии о том

[1]) Характерной чертой всех ошибок тов. Ленина (кроме его аграрной программы с „отрезками", хотя и она была шагом вперед по сравнению с тогдашней позицией большинства с.-д. в аграрном вопросе), было то, что он всегда ошибался влево, а не вправо. Такова ошибка с бойкотом думы, такова ошибка с предложением оставить лозунг „вся власть Советам", как уже нереволюционный (VI съезд партии), таково нетерпение его в вопросе о сроке восстания, такова, наконец, последняя классическая ошибка с Варшавой.

или ином успехе. На очереди созыв конференции наших организаций за границей. Он настаивает на том, чтобы сплачивать в наших рядах лишь самых твердых, самых непримиримых врагов меньшевистского оппортунизма и не делать никаких уступок примиренческому добродушию. Даже из большевиков некоторые не понимают этого настойчивого раскольничества. События опять полностью подтверждают прогноз Владимира Ильича. Когда в России после ленского расстрела все забурлило, Ильич перекочевывает поближе к границе, в Краков, чтобы отсюда удобней руководить партией.

Началась война. Новая историческая эпоха. Социал-демократия всех стран перебрасывается в лагерь империалистических мясников, лучшие элементы растерялись или стали пацифистами. Тот, кто правильно определит сущность этого момента, тот будет пророком целого столетия. Та партия, которая бросит нужный лозунг, эта партия будет гегемоном в мировом пролетарском движении этой эпохи. Владимир Ильич с гениальной глубиной анализа и чисто-сверхчеловеческим чутьем схватывает самое главное. Еще перед самой войной он мысленно как бы прощупал бока исторического процесса, взвесил все последствия варианта «война» и теперь бросает тот лозунг, который одновременно является снопом прожекторного света, направленным на мрачное и кровавое поле войны и его остервеневших участников, а вместе с тем отточенным кинжалом в спину мирового капитализма: «превращение империалистической войны в войну гражданскую». Этот лозунг объявили сумасшествием все филистеры в лагере социализма, к нему не отнеслись всерьез и в стане врагов. С этого момента тактический гений Ильича проложил себе дорогу на мировую арену. Он уже не только вождь российских большевиков,—он стоит у руля авангарда мирового пролетарского движения. Перед этим он сделал лишь одну вылазку на арену интернационального рабочего движения, защищая в 1907 г. с Р. Люксембург поправку к резолюции о мировой войне на Штутгартском конгрессе II Интернационала. Теперь весь целиком, с руководимой им партией, он оказывается во главе тех сил, которые в дальнейшем положили основание III Коммунистическому Интернационалу.

Февральская революция победила. Россия покрылась сетью Советов рабочих и солдатских депутатов. До приезда

Ильича наша партия пережила некоторую заминку, период раздумья перед новым прорывом вперед. Было о чем задуматься. Дело шло о том, чтобы формулировать не только политически, но и организационно задачи новой эпохи. Дело шло о том, чтобы на языке XX века ответить на вопрос, что такое диктатура пролетариата, и расшифровать тайну государственной формы победоносной пролетарской революции. Владимир Ильич это сделал в своих знаменитых тезисах в апреле 1917 г. А дальше он внимательно взвешивал соотношение сил в стране, сдерживал своим «рано!» рвавшиеся вперед отряды пролетариев и кронштадтских матросов, с нетерпением ожидал «пора!», больше всего боясь «поздно». Эта боязнь упустить удобный момент заставила его страшно нервничать в Финляндии, куда он скрылся от жаждавших расправиться с ним юнкеров; этой же боязнью было продиктовано его письмо к ЦК, где он требовал от последнего разгона вооруженной силой демократического совещания в Москве, когда момент нашего выступления еще не пришел.

Но момент наступал и наступил. Вспомните его фельетоны в «Правде» о необходимости начать восстание. В них весь Ильич, этот могучий лев, готовящийся схватить врага за горло, эта концентрированная в телесном облачении индивидуального человека воля класса к победе и власти, этот концентрированный разум рабочих масс, кричащих миллионами голосов «пора».

Все помнят этого льва в период отступления и маневрирования. Весной 1918 года он выводил советские силы через ущелья Бреста из-под ударов германского империализма и уже делал наброски нэп'а, потом временно зачеркнутые или, вернее, отодвинутые логикой ожесточенной гражданской войны с белыми. Он поддерживает дальше лозунг комбедов, чтобы в 1919 году на VIII партийном съезде сманеврировать на середняке и укрепить наш базис в крестьянской Красной армии.

Конец 1920, начало 1921 г. Партия раздирается спорами о задачах профсоюзов. До хрипоты одни агитируют за тезисы «десятки», другие за тезисы тов. Троцкого. Владимир Ильич защищает тезисы «десятки», но его интересуют не тезисы о профсоюзах. Он смотрит вдаль за пределы Москвы, в деревенскую хату, он, гениальный радиоприемник РКП, слушает разговор красноармейцев на нарах казармы. «Не в этом, не в профсоюзах суть момента,—неоднократно

повторяется в частных разговорах на заседаниях ЦК,—суть в том, что скажет нам деревня весной». И пришла эта тревожная весна, и сказала деревня то, что имела сказать: языком орудий Кронштадта и тамбовского восстания. Новый поворот на X съезде. Чертежи и наброски нэп'а, сделанные Ильичом в 1918 г., обрастают мясом в 1921 и следующих годах. Мы на хозяйственном фронте, мы учимся торговать.

Пролетарская воля и разум, воплотившиеся в Ильиче, превратились в мощную социальную силу, силу сплочения и организованности. Только имея такого вождя во главе, как Владимир Ильич, партия могла решительно делать такие головокружительные повороты, спасавшие советский корабль от крушения, как это мы видели за годы войны и революции.

Владимир Ильич любил и ценил теорию. Он дал нам чрезвычайно много в этой области. Такие его работы, как «Государство и революция» стоят на уровне теоретического гения Маркса. Но основное в его гении не в этом. В чем он не имеет себе равных в истории мирового рабочего движения,—это в области классовой стратегии и тактики. Тактический гений т. Ленина, развернувшийся во всем своем объеме и блеске лишь на мировой арене [1]), его величайшее чутье, его уменье следить за всеми изменениями в соотношении классовых сил, его уменье по мелочам определять целое и переходить от целого к мелочам, его способность вести свою армию от победы к победе во вражеском окружении,—эта способность есть главное в гении т. Ленина. Есть русская поговорка: «Москва слезам не верит». Тов. Ленин словам не верит. За шелухой слов, лозунгов, схем, программ, за идеологическими одеждами он чует всегда своей гениальной интуицией движение основного, движение, так-сказать, обнаженной социальной материи. И в этом отчасти разгадка всех его верных прогнозов.

О том, чем партия обязана тов. Ленину, можно написать томы. Он воспитал в партии тот социальный тип, который называется всем знакомым словом: «большевик». О смысле этого слова в будущем также будут написаны томы. Он

---

[1]) Помню, когда я в первый раз встретился с т. Лениным на всероссийской партийной конференции в Кокье, в 1907 году, в Финляндии, я, суммируя свои впечатления, подумал: какой Робеспьер в нем пропадает! Я тогда не мог предвидеть, что он далеко оставит позади себя Робеспьеров всех бывших доселе революций.

воспитал в нас презрение к фразе, позе, красивому кривлянию, которое столь нестерпимо для нас, до тошноты, в эсеровской породе. Он научил нас, с другой стороны, презирать также меньшевистскую породу людей, объясняющуюся языком марксистских цитат и сделавшую из марксизма идеологию саботажа всех революций. Благодаря этому мы стали на деле революционными потомками Маркса, сумевшими воздвигнуть памятник автору «Коммунистического манифеста» в виде первого в мире пролетарского государства. Овладеть методом Ильича—вот задача нашего молодого поколения коммунистов, идущих нам на смену. Овладеть им—значит овладеть искусством побеждать с наименьшей тратой сил.

Сколько этих сил сберег рабочему классу т. Ленин?

II.

Ленин—гений рабочего класса.

„Ленин — это мы сами". (Из речи одного уральского рабочего в 1917 г.).

Каждый гений, как явление социальное, менее всего является сыном своего отца и матери. Мы хотим этим сказать, что гениальность есть прежде всего общественное, а не физиологическое свойство. Вернее, гениальность, это—определенный социальный процесс, который возникает на основе соединения определенных психо-физиологических свойств выдающегося человека с социальными потребностями общества или данного класса. При ближайшем анализе гениальности отпадает почти весь элемент мистического и таинственного; его место занимает изучение социальных и классовых потребностей, ищущих своего выражения в деятельности того или иного таланта или гения. Конечно, человек, являющийся по своим психофизиологическим данным идиотом, не может стать гениальным выразителем потребностей своего класса. В этом смысле для проявления гениальности нужны известные психо-физиологические предпосылки. Но эти предпосылки останутся мертвым капиталом, их не позовет «к священной жертве Аполлон», если социальная необходимость не заставит физиологию работать на общество. В этом смысле, т.-е. общественно, гений родится не от отца и матери. На десятки и сотни тысяч людей, живущих сознательной общественной жизнью в той или иной стране, давит социальная и классовая необходимость в самых различных направлениях. Изобретайте новые машины! Давайте музыку, выражающую наши переживания! Давайте нам художественные образы, отвечающие нашим запросам в литературе, жи-

вописи и т. д. Ведите нас к победе на фронтах, дайте нам классового вождя, который приведет нас к победе с наименьшей тратой сил, и т. д. На почве давления этих социальных потребностей происходит выбор наиболее подходящих мозгов из всего наличного человеческого материала, и затем происходит процесс соединения работы этих мозгов с социальной потребностью. Прежде всего, делается ясным, что при наличии достаточных физиологических данных, играющих роль материала для гения, степень гениальности будет пропорциональна степени давления социальной потребности на личность. Чем глубже, шире, чем грандиознее исторические проблемы, стоящие перед обществом или классом, тем больше сила гения, который все это должен выразить. Сила гения пропорциональна величине исторических задач, стоящих перед его классом.

Но когда произошла установка способностей выдающегося человека на классовую потребность (при чем выдающимся он делается post factum, т.-е. после того, как класс проявил его, выдвинул его вперед, как своего выразителя), дело не кончается этим, а только начинается. Когда завязывается эта внутренняя связь между потребностями, мыслями, всей мозговой работой таланта и социальной потребностью (на прежнем мистическом языке это называлось вдохновением), то начинается длительный, постепенный, никогда не прекращающийся процесс приспособления таланта к социально-классовым потребностям. Примером несостоявшегося приспособления является «неудачное произведение», «ошибка» и т. д. Примером удачного приспособления является все то, что общество квалифицирует, как талантливое, гениальное и т. п. Этот процесс приспособления продолжается непрерывно. Вообще гений, это—не качества, которые человек носит в кармане или за своей черепной коробкой, а это—социальный процесс, это—движение, в котором определяющая роль принадлежит коллективу, хотя внешне представляется, что дело обстоит как-раз наоборот. По мере роста классовых потребностей, их углубления, изменения их характера, талант, либо развивается, совершенствуется, поднимается миллионами рук и социальными потребностями этих миллионов рук до высоты гения, либо социальные потребности, выжав все, что можно было выжать из данного таланта в данный период, переходят к другим объектам, которые способны лучше выразить новые запросы, выполнить новые задания коллектива.

В первом случае талант развивается в гения, питаясь соками своего класса и возвращая классу продукт своей гениальности, т.-е., в сущности, продукт классовой гениальности, лишь индивидуально выраженный. Во втором случае, талант не двинулся вперед, остался на старом уровне. А не итти вперед в области таланта и гения значит потерять талант. И, разумеется, не индивидуум здесь что-то теряет, а, наоборот, класс теряет в данном случае точку приложения социальной потребности к данным индивидуальным мозгам и вынужден установить смычку с другими.

Эти несколько общих предварительных замечаний будут нам необходимы, как для понимания социальных корней ленинского гения, так и для понимания индивидуального развития Владимира Ильича на протяжении трех революций.

Рабочий класс нашего Союза сильнейшим образом отличается от пролетариата Запада. Исторически он сложился из двух слоев. Во-первых, из рабочих, которые сорганизованы нашим национальным капиталом, при постоянной поддержке со стороны государства; сюда относятся прежде всего рабочие горных заводов, рудников, оружейных и амуниционных заводов, и, во-вторых, это—рабочие мануфактурных фабрик, созданных нашим российским капиталом. Другой слой представляют рабочие нашей тяжелой промышленности и отчасти транспорта, рабочие крупнейших предприятий, построенных по последнему слову европейской техники, прежде всего, на юге и в Ленинграде. Эти рабочие были продуктами вторжения к нам иностранного капитала. Несмотря на свою историческую молодость, этот слой пролетариата сразу стал играть руководящую роль в русском рабочем движении. Не текстильщик центрального района, не уральский рабочий старых уральских заводов, а металлист с предприятий иностранного капитала делается теперь застрельщиком и коноводом пролетарской борьбы. Этот новый рабочий представлял и совсем другой тип по сравнению с рабочим старых российских заводов, не особенно легким на подъем, жившим в условиях полумещанского быта наших мелких городов и местечек. Новый рабочий, явившийся продуктом вторжения к нам иностранного капитала, очень быстро раскачал и старого рабочего, очень сильно изменил его психологию, действуя на него примером своей борьбы.

Европейский пролетариат развивался медленно, как медленно мануфактура душила ремесло, как сравнительно медленно крупная машинная промышленность вытесняла ману-

фактуру и мелкое производство. Европа, выбрасывавшая промышленный капитал в другие страны, начиная со второй половины XIX века, в период развертывания в ней капитализма, строилась за счет своей собственной прибавочной стоимости, включая сюда и грабеж колоний. При этой медленной стройке рабочий класс был в некотором смысле приручен капитализмом. Буржуазия научила его ценить блага буржуазной культуры. Она заставила его проникнуться уважением к предпринимателям, как к организаторам нового способа производства. Получая сверх-прибыли от эксплоатации колоний, европейский капитал,—прежде всего, английский капитал,—заинтересовывал частично аристократию рабочего класса в своей колониальной политике и во всей той системе, которая на одном конце означала зверскую эксплоатацию колоний, расстрелы сопротивлявшихся туземцев, вымирание их от сифилиса и водки и прочих благ европейской цивилизации, а на другом—гарантированный ростбиф к столу квалифицированного рабочего Англии. И в то время, как рабочий-аристократ Запада был силой, которая сковывала весь остальной рабочий класс и держала его в моральной узде эксплоататоров, передовой отряд рабочих нашей тяжелой промышленности, созданной иностранным капиталом, играл по отношению к остальной рабочей массе России как-раз обратную роль.

Наш рабочий был классово молод. Его отцы и деды были в большинстве крепостные помещиков. Ненависть к барину он перенес полностью на хозяина. Наш рабочий не уважал своего благодетеля-хозяина. Он начал ненавидеть весь уклад буржуазных отношений раньше, чем стал уважать и ценить буржуазную культуру. Русский рабочий—это бунтовщик деревни, поставленный около машины. Естественно, что рабочий класс, сделанный из такого теста, явил миру совершенно особый тип пролетариата. Это был пролетариат высоко концентрированной промышленности, следовательно, с этой стороны он ни в чем не уступал передовому пролетариату буржуазной Европы. А, с другой стороны, психологически, этот пролетариат был совершенно не покорен буржуазной идеологией, не приручен капиталом, не разложен, не подкуплен в в лице своего авангарда. Такой пролетариат был предназначен исторически к роли гегемона в нашем революционном движении. Что касается нашей буржуазии, то на нее гораздо больше могла рассчитывать реакция, чем революция, ибо, «чем дальше на восток, тем подлей буржуазия». Кре-

1069379
S92
8937

стьянство не могло играть руководящей и самостоятельной роли в революции, несмотря на целый пороховой погреб классовых противоречий, скопившихся в деревне на почве аграрных отношений. Интеллигенция могла лишь примкнуть к тому или иному основному классу. Ее удельный вес, как самостоятельной силы, был измерен поражением народников «Народной Воли» в 70-х годах.

Вот какой пролетариат, вот в какой междуклассовой обстановке взял к себе на службу, на службу революции, дарование Ленина.

В развитии гения Ленина надо, мне кажется, строго различать два периода. Первый период—до мировой войны 1914 года, и второй период—до его кончины. В первый период дело шло в общем и целом о буржуазно-демократической революции, и талант Ленина мы должны исследовать под углом зрения того, насколько верно он наметил путь и основы междуклассовой тактики для пролетариата, вынужденного исторически довести до конца буржуазно-демократический переворот, не только преодолевая сопротивление помещиков и самодержавия, но и проводя его последовательно до конца против воли самой буржуазии и отчасти даже самой буржуазной демократии.

Во второй период дело шло о переходе буржуазно-демократической революции в социалистическую в обстановке мировой войны и о первых шагах по пути строительства социализма в крестьянской стране.

В своей знаменитой брошюре: «Две тактики» Ленин категорически отверг такую постановку вопроса, при которой пролетариат осуждался на роль подручного буржуазии, на роль пушечного мяса для российского либерализма. Он провозгласил лозунг, что буржуазно-демократическая революция может победить лишь на основе революционного блока пролетариата и крестьянства, направленного против помещиков и против самодержавия. На протяжении революции 1905—6 гг. правильность такой постановки вопроса была, как мы уже говорили, подтверждена лишь от противного. А именно: революция 1905 г. была разгромлена именно потому, что она не успела развернуть свои классовые силы в направлении установления рабоче-крестьянского блока. Рабочий класс, выступивший изолированно, был раздавлен крестьянской армией, которая, несмотря на большие колебания, в общем дала себя использовать самодержавию в период революции против пролетариата. 1917 г. подтвердил правильность основ-

ной оценки классовых сил нашей революции, сделанной Лениным,—и подтвердил уже в положительной форме. Буржуазно-демократическая революция, развиваясь в социалистическую, т.-е. лишь исчерпав себя как буржуазно-демократическую, в состоянии была вскрыть в процессе этого перерастания своих пределов основы своих собственных внутренних сил. И эти силы оказались такими, как их расценивал Ленин в 1905 г.

С этой точки зрения все спорные вопросы в полемике с меньшевиками, коренившиеся в различной оценке характера русской революции 1905 и 1906 гг. и в различной оценке ее классовых сил, были решены против меньшевистской концепции революции. Так решились и вопрос об отношении к либеральной буржуазии, и вопрос о роли советов, как зародыша революционной власти, и вопрос о захвате помещичьих земель, и программа национализации, и вопрос о вооруженном восстании и технической подготовке к нему, и, наконец, вопрос о социально-классовой оценке партии меньшевиков. Так как революция 1905—6 гг. победила только в 1917 г., то правильная тактическая линия Ленина не могла целиком и полностью найти себе подтверждение и проверку как-раз на протяжении той революции, в ходе которой создались основы большевистской тактики. Поэтому-то гениальность ленинского прогноза не могла быть оценена по достоинству в первой революции, а позиция меньшевиков представлялась тогда не в такой степени предательской и глупой, какой она выглядит в перспективе 1917 г.

В 1905—6 гг. спор шел о том, какая тактика вернее всего приводит к завершению буржуазно-демократического переворота при данном соотношении классовых сил, но вопрос вовсе не стоял так, какая тактика лучше всего соответствует революции, идущей к краху. В программе дня была победа революции, а не ее крах. Меньшевистская же тактика была целесообразной лишь в том случае, если бы провал революции был программной задачей для этой фракции.

Так самоопределил себя гением Ленина наш пролетарский авангард в первую русскую революцию. Тактическая линия, намеченная Лениным, лишь переводила на марксистский язык и на язык политической борьбы то, что несли рабочие массы в неотесанных кирпичах своего элементарного понимания вещей, что отвечало их массовым настроениям, что улавливал их классовый инстинкт. Большевистский лозунг—поддерживать кадетов, но только дубиной,—соответствовал

стихийному недоверию рабочих масс к купеческо-помещичьему либерализму. Лозунг свержения самодержавия и вооруженного восстания соответствовал огромному озлоблению масс против царизма, помещиков, фабрикантов и решению бороться до конца. Массы не шутят в революцию, и, если они вступили в движение, они идут, как говорится, до точки, до предела. С этой точки зрения интеллигентским умничанием и марксистскими «выкрутасами» являлась позиция меньшевиков по вопросу о неучастии во власти со стороны победившего рабочего класса. И, наоборот, только лозунг революционной власти, построенной на диктатуре пролетариата и крестьянства, соответствовал силе натиска рабочих на самодержавие и их решимости довести дело революции до конца. Наконец, и отношение большевиков к крестьянству соответствовало российским условиям. В то время как меньшевики пытались пересадить на русскую почву то вековое недоверие потомственного почетного пролетариата Запада к своему крестьянству, у нас в России, где связь рабочих с деревней никогда не прерывалась, лишь большевистское отношение к крестьянству соответствовало реальному взаимоотношению между нашим рабочим и нашей деревней.

Меньшевики, большие импрессионисты в политике (мелкобуржуазная черта вообще), умели очень тонко улавливать и отражать в своих решениях и лозунгах колебания и даже поверхностные нюансы рабочих настроений упадка и отсталости. Но они прошли мимо главного и основного: они либо прошли мимо стержневых фундаментальных классовых настроений, либо в большинстве случаев предательски отшатнулись от них. Наоборот, тов. Ленин и большевики были весьма неподатливы («меднолобые», «твердо-каменные» и т. д.), когда дело шло о том, чтобы принизить лозунги движения, приспособляясь к минутным настроениям рабочего класса, к настроению сегодняшнего дня рабочей массы. Но в то же время Ленин понял и схватил главное и основное в стремлениях революционного пролетариата,—схватил основные тенденции пролетарской борьбы и ее неизбежные конечные результаты. В этом смысле в 1905 году он антиципировал пролетарскую победу 1917 года.

Что касается организационного вопроса, то и здесь тов. Ленин лишь гениально писал под диктовку классовой необходимости. Состав сил, которыми можно было располагать партии, был в общем таков. Очень небольшое число

совершенно сознательных и убежденных передовых рабочих, а также революционеров из интеллигентов, за ними сочувствующие слои рабочих и мелкобуржуазной интеллигенции, за сочувствующими рабочими—рядовик-рабочий, за рядовиком-рабочим—крестьянин. При таких условиях задача формулировалась так: как при минимальных руководящих кадрах получить идейное и организационное господство над максимальным количеством людей, во-первых, из своего класса, а затем из класса союзного. Вторая задача, связанная с первой, формулировалась так: как при максимальном вовлечении в движение широких масс сохранить максимальное единство действия, максимальную однородность кадрового стержня рабочего движения. Между той и другой задачей было известное противоречие. Чем многочисленнее массы, которые идут за партией, тем больше опасности разнобоя в их действиях, а тем более в мыслях, чувствах, лозунгах и т. д. Чем большим успехом пользуется партия в массах, тем больше людей ломится в ее двери, тем быстрее она растет, тем больше опасности для нее потерять свою однородность, идейную похожесть, монолитность. Необходимо было массовое движение рабочих и массовый характер партии совместить с максимальным единством действия, с чистотою принципов и с однородностью состава партии. Ленин нашел правильный выход в том, что взял курс не на партийного интеллигента, который способен обычно от сектантской однородности и однотонности переходить к противоположной крайности—к мещанскому индивидуализму, к разнообразию мнений, точек зрения и т. д., а взял курс на рабочего в партии. Он взял курс на то типовое классовое единство, на ту классовую однородность в главном и основном, которая характерна для рабочей психологии. В результате кадр старых большевиков, воспитанный Лениным и в большинстве состоящий из профессиональных революционеров-интеллигентов,—этот кадр, обработанный применительно к требованиям рабочего класса путем идейной и практической тренировки, соединился с резервами из новых, большевистски настроенных слоев рабочего класса, т.-е. соединился с широким кадром «натуральных»[1]) большевиков-рабочих. Взяв курс на рабочих-большевиков, Ленин тем самым

---

[1]) Это удачное выражение я услышал однажды от тов. Правдина.

предохранил партию от разбухания ее за счет интеллигенции, и благодаря этому ее единство, ее однородность и ее монолитность он переместил на единственно твердую основу,—переместил на естественную классовую базу партии.

Таким путем были заложены в ходе практической борьбы основы для того замечательного социологического феномена, каким является РКП. Задача с малыми, но хорошо спаянными и однородными силами двигать большими силами была решена. Структура РКП, ее методы работы внутри и вне партии—вот метод решения этой задачи. Это решение не является, разумеется, единственно возможным и единственно целесообразным для всех рабочих партий, идущих к революции. Не везде есть те элементы, из которых можно было бы получить такие слагаемые, как у нас. Мы имели революционный рабочий класс, молодой, неиспорченный капитализмом, с огромной потенциальной революционностью и самоотвержением; мы имели не мирную, а революционную ситуацию в стране, мы имели несколько поколений революционной интеллигенции, из которой было что выбрать и притянуть к себе пролетарскому магниту; у нас были отводные каналы для мелкобуржуазной революционности (с.-р.) и для марксистски прикрытого также мелкобуржуазного интеллигентского оппортунизма (меньшевики). Наконец,—и это не наш плюс,—партия строилась на базе культурно очень отсталого пролетариата, при огромной дистанции, отделяющей идейных передовиков-интеллигентов и рабочих не только от всей рабочей массы, но и от массы членов своей же партии. А это делало объективно неизбежным усиление централизма, усиление, в том числе формальное, партийного авторитета руководящих кадров и соответственное уменьшение самодеятельности партийных низов.

Решение организационной проблемы, представленное в лице РКП, не есть единственное возможное для рабочих других стран, но оно было единственно возможным для нашего пролетариата в условиях первой революции. Гений Ленина проявился в том, что он выбрал единственный целесообразный путь строительства большевистской партии из данного материала в данных исторических условиях.

Важнейшей предпосылкой в идейной однородности большевиков является их теоретическая непримиримость, их ортодоксальный марксизм. Но сам по себе марксизм не гарантирует еще ни единства действия, ни революционности в этом

действии. Меньшевистское оскопление марксизма—достаточно яркий этому пример. В то же время марксистское книжничество и буквоедство совсем не гарантирует и от большого разброда в области практической деятельности. Все зависит от того, в каких головах помещается этот марксизм, и корректируется ли он практикой живого массового рабочего движения. Между теорией в голове и между практикой политической борьбы класса лежит целый ряд промежуточных ступеней, представляющих достаточный простор, чтобы свихнуться той или иной «личности», чтобы от книжного марксизма в теории докатиться до оппортунистической, либо прямо контр-революционной практики. Ленин был превосходнейшим марксистом. Он был одним из лучших знатоков текста Маркса в нашей партии, можно было бы сказать без преувеличения, что он был идейно влюблен в Маркса и марксизм, который был его «натуральной» точкой зрения. Но он никогда не был книжником от марксизма. Он презирал и высмеивал буквоедов от марксизма, этих старых кукол, заснувших с «Капиталом» под подушкой около живого рабочего движения и проспавших величайшую в мире революцию. Он смотрел на теорию, в том числе и на теорию марксизма, как на орудие классовой борьбы, как на необходимый инструмент при руководстве массами в этой борьбе. Он ценил его больше всех, между прочим, и потому, что больше всех видел на практике, что значит теоретическое марксистское вооружение в политической борьбе. Применять марксизм для политического деятеля значит считать в области социально-экономической большими числами, это значит уметь производить учет классовых сил, знать их расположение в данный момент, их изменение, их динамику, и все это не ради марксистского искусства для искусства, а для того, чтобы безошибочней действовать в интересах пролетариата своими собственными силами, силами своей партии и авангарда рабочего класса. Марксизм Ленина—это марксизм действенный, в котором теория переходит в практику, а обобщения в практике тут же сгущаются в теорию. Ленин хорошо прочувствовал и не раз сам повторял слова Гете: «Сера теория, но зелено вечно растущее дерево жизни». Да, для него дерево жизни всегда было растущим! Он был истинным диалектиком. Он всегда отдавал себе отчет в том, что в общественной среде все движется, все меняется. То, что было верным вчера, является ошибочным сегодня. Он понимал, и понимал на деле, душу марксизма. Он про-

явил величайшее искусство в том, чтобы изменять изменяющуюся социальную среду. Марксизм был для него не орудием познания самим по себе, а орудием наилучшего изменения социальной среды, при помощи наилучшего ее познания. Марксистская теория, без применения к практике, была для него бесплодной смоковницей. В области теории для него не было ничего такого, что было бы ценным само по себе, вне конкретных задач в борьбе за освобождение трудящихся. В одном своем произведении Чехов, говоря о том, что в художественном произведении не должно быть ничего лишнего, заметил: если на первой странице рассказа у вас в кабинете висит ружье, то на следующей оно должно выстрелить. Для Ленина в теории марксизма так же не было ничего лишнего, теория марксизма была для него тем ружьем, которое надо сегодня заряжать, и которым надо вооружиться затем, чтобы завтра оно могло выстрелить во врагов пролетариата. Ленин был не только учеником Маркса: среди учеников Маркса есть и тупицы, и педанты, и люди в футлярах. Он был гениальным марксистом, т.-е. свободным при применении марксизма к практике сегодняшнего дня, к практике вечно зеленого дерева жизни. Отсюда и другой вывод: кто хочет быть в этом отношении похожим на Ленина, кто хочет быть настоящим ленинцем, тот не должен быть буквоедом и ханжой ленинского текста, а диалектиком революционной борьбы пролетариата и его социалистического строительства. Нужно быть духовным учеником Ленина, а не его начетчиком.

Ленин, как гениальный тактик, как тактик, не только российского (каковым он был преимущественно до 1914 года), но и тактик мирового рабочего движения, выдвигается эпохой мировой войны. Предвидение в политической борьбе означает все. На правильном предвидении будущего усиливаются и растут одни партии, на неверной оценке гибнут другие. На предвидении в большом историческом разрезе, с одной стороны, на ошибках, с другой стороны, одни делаются политическими вождями, другие сходят со сцены в качестве политических банкротов. Ход истории имеет свои узловые пункты, от которых начинаются новые эпохи. Тот, кто правильно поймет смысл такого исторического перелома, тот окажется пророком на полстолетия вперед. Такой узел мировой истории завязался в 1914 году. Точнее, в этот год с катастрофической быстротой начал разрубаться мечом империалистической войны тот узел, который завязывался, начиная с буржуаз-

ных революций, самим ходом капиталистического развития мира. Социал-предатели в каждой стране высказались в своем патриотическом усердии за сегодняшний день своей буржуазии. Ленин высказался за завтрашний день пролетариата. Он схватил с точки зрения рабочей основной нерв эпохи. На данной стадии беременности буржуазного общества социализмом Ленин расценил мировую войну, как начало краха капитализма, как сигнал к социальной революции. Он выбросил в 1914 г. свой знаменитый лозунг, на который будут смотреть столетия, как на гениальнейшее из пророчеств XX века: превращение империалистической войны в войну гражданскую. Мы знаем, как мало было тех, кто понял сразу и сразу воспринял этот лозунг. Мы знаем, сколько заплатил убитыми, ранеными и искалеченными мировой пролетариат, сколько крови и костей он отдал за то, чтобы к концу мировой войны уловить смысл этих слов.

С 1914 года Ленин делается постепенно вождем всей революционной части мирового пролетариата. Рабочие массы, отходя от социал-предателей, связавших свою судьбу с буржуазным строем и взваливших на себя ответственность за войну, идут по линии большевистских лозунгов.

Здесь мы должны остановиться на вопросе, почему эти лозунги были брошены с российской территории и почему здесь именно впервые начали осуществляться. С этим связан и другой вопрос, — вопрос о второй стадии развития ленинского гения.

Наша революция 1905—1906 гг., хотя и имела известное международное значение, поскольку и наш царизм был международным жандармом, однако, ее влияние за пределами наших границ было все же довольно скромным. Она имела отзвук в Турции, Персии, Китае, она имела известное влияние на усиление революционного движения германских и австрийских рабочих. Но это было не то влияние, которое оказывает революционный процесс, когда он делается головным процессом для развертывания революции в целом ряде других стран. Наоборот, наша Февральская и Октябрьская революции двинули наш рабочий класс на авансцену мирового пролетарского движения. Или, если быть ближе к социологическому описанию факта, мировое рабочее движение прорвалось через кору капитализма русской революцией. Это объясняется, во-первых, слабостью капиталистического сопротивления на этом участке, поскольку развитие капитализма в России происходило не

только за счет национального, но и за счет иностранного капитала, который не отлагался социально в стране в виде соответствующих групп капиталистического класса и его окружения из промежуточных классов, связанных с ним идейно и материально. Вследствие этого силы сопротивления капиталистического класса не соответствовали степени капиталистического развития страны. Это объяснялось далее революционностью рабочего класса, перенесшего на фабрику бунтарский дух крестьянских восстаний и крестьянскую ненависть к помещичьему строю и прибавившего к этому всему классовую ненависть к своим непосредственным буржуазным эксплоататорам. Это объяснялось далее накоплением острейших классовых антагонизмов и огромной революционной энергией в российской деревне, где развитие капитализма, разлагая старые отношения, создавало многомиллионные кадры безработных или скрыто-безработных рабочих сил, обостряло земельную тесноту, подготовляя в социально-экономическом фундаменте предпосылки для страшного взрыва аграрной революции. Ко всему этому надо прибавить истощение от войны, военное банкротство самодержавия, голод, дороговизну и все сотрясения, связанные с большой войной.

В результате, придушенная в 1905 году революция,—революция, не успевшая добраться до своих глубоких крестьянских корней,—с тем большей силой прорвалась в 1917 году, т.-е. в период, когда уже ни одна буржуазная революция, вследствие дряблости самого капитализма на территории Европы, не могла не перейти стихийно в революцию социалистическую.

Рабочий класс России оказался на авансцене мирового пролетарского движения, и выдвинутый им вождь не мог тем самым не стать вождем мировой революции. Ленин должен был стать мировым вождем, ибо «развитие обмена установило такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что великое освободительное движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным». (Из старой программы Р. С.-Д. Р. П.). Это—вторая стадия развития ленинского гения. Этот второй период отнюдь не вытекал логически из первого. Ленин вошел бы в историю в качестве вождя левого крыла пролетарского движения, если бы февраль и октябрь 1917 года не сделались первым этапом мировой пролетарской революции. То, что Ленин дал нам и отчасти международному

рабочему движению в период первой революции, бледнеет перед тем, что дал он во второй этап. Персонально же это был один и тот же человек. Здесь мы имеем одно из поразительных доказательств того положения, что гениальность отдельного лица пропорциональна глубине, широте и размаху исторических задач, стоящих перед классом, пропорциональна силе давления социальной необходимости, которая общественно формирует гениев. Лишь грандиозное сотрясение капиталистического мира, вызванное войной, лишь предчувствие топота миллионов пролетарских ног, идущих от окопов империалистической войны к баррикадам войны гражданской, лишь дыхание назревающей классовой битвы,—лишь эти события, напирая на мозг Ленина и найдя в нем адэкватный отзвук, могли так высоко поднять его над изумленным миром, вызывая проклятия и злобу на одном полюсе, веру, энтузиазм и братскую поддержку — на другом.

Вторым прогнозом всемирно-исторического значения явилась данная в апрельских тезисах Ленина оценка наших Советов, как государственной формы диктатуры пролетариата.

Когда Ленин в начале войны пришел к твердому убеждению, что эта война будет началом социалистической революции, он не занимался пророчествами насчет того, в каких конкретных организационных формах будет протекать процесс ниспровержения старого строя и формирование новых общественных отношений. В этом отношении Ленин держался лучших традиций своих учителей Маркса и Энгельса, которые не любили заниматься сочинением конкретных картин будущего общества, которые считали, что «каждый шаг действительного рабочего движения важнее дюжины программ», и с величайшим вниманием изучали формы этого действительного рабочего движения. Достаточно указать на тот глубочайший интерес, с которым Маркс изучал опыт Парижской Коммуны, чтобы уловить реальные черты и контуры нового типа государства, рабочего государства. С тем же глубоким и жадным вниманием следил и Ленин за советской формой организации восставших трудовых масс, которая явилась продуктом стихийного революционного творчества самих этих масс. Он сразу понял, что в лице Советов закладывается фундамент не только такой организации масс, которая поможет им организованно

сбросить буржуазную власть временного правительства, но и создается фундамент для нового пролетарского государства. Уже в своей речи на I Съезде Советов в июне 1917 г. он дал анализ советской формы организации масс, как постройки нового типа государства. В этом анализе он проявил глубочайшее марксистское понимание структуры государства вообще. Он тогда с полной теоретической ясностью набрасывал картину того, что мы потом нащупывали собственными руками, когда после Октябрьской революции начали уже сознательно строить, или, вернее, достраивать то государственное здание, фундамент которого восставшие массы вывели также бессознательно и стихийно, как бессознательно и инстинктивно верно первый раз строит птица свое гнездо, плана которого она не имеет перед глазами. Гений Ленина сознательно выразил, сознательно объяснил пролетариату смысл его собственной стройки.

Этот момент осознания гением рабочего класса стихийного творчества самого рабочего класса есть одна из захватывающих по своей глубине и красоте страниц нашей великой революции 1917 г. Сочинять—значит делать нечто лишнее. А в гении, в его работе, как в высоко-художественном произведении, нет ничего лишнего, и я бы сказал еще: и нет ничего личного. Во время одного митинга на Урале летом 1917 г., когда нам приходилось отбрасывать от нашей партии гнусные клеветы кадетов и эсеров насчет «немецких денег», которыми-де подкупили большевиков, один рабочий, взяв слово в защиту большевиков, сказал: «Ленин—ведь это мы сами».

Слова этого рабочего есть не только выражение классовых чувств и дум нашего пролетариата, но и глубочайшая научно-социологическая правда о Ленине. Ленин—это сам рабочий класс в его величайшем творческом достижении, в его титаническом порыве к созданию нового общества, в наивысшем проявлении его собственного самосознания.

Перейдем теперь к Октябрьской революции. Если есть после Красной площади место, где должен быть прежде всего поставлен памятник Ленину, так это на том участке земли, где он писал свои знаменитые статьи и письма о восстании. Перечитайте эти статьи. Перечитайте эти строки, в которых клокочет и бурлит стальная лава пролетарского порыва к власти. Эта классовая воля к власти так законченно выражена в этих статьях, что местами кажется как-то мало

вероятным их индивидуальное авторство даже по внешней форме. Кажется, что тут есть строки из того периода жизни человеческого общества, когда еще не существовало способов внешне-индивидуального выражения социальных процессов, когда толпа коллективно слагала свои песни, либо рокотом и гулом тысяч голосов выявляла свою волю, сейчас же претворявшуюся в действие. Если есть из всего написанного и сказанного Владимиром Ильичом что-либо более сверх-индивидуальное даже по форме выражения, то это именно статьи о восстании. А когда, читая эти статьи, смотришь одновременно на наиболее типичные и удачные из его портретов, и прежде всего на тот величественный портрет, который лучше всего было бы назвать «Власть пролетариата», то начинает казаться, что самым характерным для тов. Ленина является как-раз не его индивидуальное, а его сверх-индивидуальное, родовое, его классовое начало. Это классовое начало в Ленине и есть настоящий Ленин — вождь пролетариата.

Если марксизм в политике—это умение считать в больших числах, умение взвешивать без больших ошибок социальные силы общества и следить ежечасно за их изменением, то марксизм в тактике,—это умение оперировать большими классовыми силами в борьбе за коммунизм. Это умение есть важнейший элемент из того, что мы теперь называем ленинизмом. Гений Ленина достиг своего высшего напряжения, своего полного развернутого проявления прежде всего в этой области, когда Ленину пришлось от имени пролетариата оперировать всеми силами этого пролетариата, организованного в государство и, вследствие организации в государство, получившего возможность двигать и силами других классов, прежде всего силами своего классового союзника — крестьянства. То новое, что сказал Ленин об отношении пролетариата к крестьянству в буржуазно-демократической и социалистической рабочей революции, еще недостаточно теоретически осмысленно и оценено нашей партией. И сам Ленин, творя великие дела в области тактической, в области практических отношений пролетариата к крестьянству в революции, не имел времени и охоты обобщить и привести в систему свои взгляды в этой области. Дело у него было на первом плане. И здесь он, пролагая новые пути, своей гениальной интуицией лишь схватывал из жизни то, что представляло из себя продукт стихийно складывающихся отношений между этими классами в со-

вершенно новой и небывалой исторической обстановке. Умение организованно и сознательно сочетать «рабочую революцию с крестьянской войной», с тем, чтобы при этом диктатура пролетариата оставалась диктатурой пролетариата,—это было одно из величайших достижений Ленина в области тактики. Чем больше опасности было на этом пути, чем сильней были колебания в крестьянстве, чем чаще отдельные слои крестьянства стремились уклониться от того, чтобы их «сочетали» с рабочей революцией и стихийно стремились самоопределиться против рабочей революции, тем больше требовалось напряжения и тактического искусства от гения Ленина, от гения рабочей революции.

История взвалила на плечи наших рабочих чудовищно тяжелое бремя. Они должны были пробить первую брешь в стене капитализма, ослабленного войной; они должны были в стране со стомиллионным крестьянским населением построить первое социалистическое государство, они должны были отстоять это государство, воюя крестьянской армией со всем буржуазным миром. Эта задача могла быть выполнена как вследствие той исключительно счастливой обстановки, благодаря которой наша пролетарская революция соединилась с крестьянским восстанием против помещиков, так и благодаря гениальному руководству тов. Ленина.

Гений Ленина подсказал партии единственно правильный выход: опереться в натиске на капитализм и войну, на союз рабочего класса с крестьянством и мудрой политикой обеспечить революционному, героическому, но малочисленному рабочему классу поддержку крестьянских резервов страны.

Под руководством Ленина партия и рабочий класс на спинах аграрной крестьянской революции ворвались в октябрьские дни в Зимний дворец и в Кремль. Под его руководством партия отступила на позиции Брестского мира, преодолевая наступательный автоматизм Октябрьской революции, чтобы не порвать связи со своей пехотой от сохи и плуга, не желавшей воевать. Под его руководством партия, после курса на комитеты бедноты, берет курс на 8-м съезде партии на середняка, эту основную массу нашей Красной армии. Под его руководством наша партия, прощупав предварительно ребра европейского империализма походом на Варшаву, делает крутой поворот от военного коммунизма к нэп'у с той же целью: не порвать с резервами деревни и сохранить политическое руководство пролетариата над крестьянством.

В чем проявился организационный гений Ильича? В том, что он создал такую форму организации партии, при которой слабый численно пролетариат и недостаточно культурно-развитой имел шансы победить в крестьянской стране с наименьшей затратой сил.

В чем проявился тактический гений Ленина? В том, что пролетарскую революцию, которая, по всем объективным данным, имела 90% шансов потерпеть поражение на одной из извилин ее пути, он провел через узкий проход этих 10% к победе.

Тактический гений Ленина был пропорционален опасностям, которые угрожали революции, которые давили на его мозг, напрягая все его творческие силы, всю дальнозоркость, всю изобретательность, всю хитрость против врагов рабочего класса. Тов. Ленин был выдвинут вперед первыми шагами массового движения в России, предвестниками революции 1905 года; он развился в гениального вождя в период мировой войны и трех революций; он был рожден и воспитан на стыке Запада с Востоком и на историческом стыке буржуазных революций с пролетарскими. Он отдал весь свой гений революционному процессу. И пролетарская революция, вскрывшая в нем силы гения, общественно породившая его, как гения, она же и убила его, безжалостно высосав все соки его мозга для своих исторических задач.

Врачи определили причину его смерти, как «Abnutzungssklerose». В переводе на наш язык это означает: использован полностью пролетариатом.

Я хотел бы еще коснуться одного вопроса, который имеет не только биографическое значение, но и известный социологический интерес. Вопрос этот является общим как по отношению к Марксу и Энгельсу, так и по отношению к Ленину. Почему интеллигент по происхождению и воспитанию мог так прочно, плотно, идеально слаженно и внутренне спаянно прийтись в качестве первой головы к рабочему классу? На это даются обыкновенно такие ответы. Человек понял неизбежность гибели капитализма и победы рабочего класса и примкнул к последнему. Другой ответ: примкнул, потому что понял неизбежность гибели капитализма и вследствие сочувствия и желания помочь в борьбе угнетенным. Первый ответ является по существу неверным, потому что понять неизбежность гибели капитализма невозможно, если не искать заранее решения вопроса *именно в этом направлении* по каким-то побудительным моти-

вам, которые лежат за пределами чисто-теоретических рассуждений. Второй ответ является эклектическим, но по существу он ближе к истине. В действительности же то, что представляется внешне, как акт свободного выбора жизненного пути и класса, к которому хочет примкнуть революционер, на самом деле является процессом как-раз обратным. Не лицо свободно выбирает класс, а определенный класс выбирает здесь вне его пределов тех, которые ему нужны и для него подходят, которых он притягивает могучим классовым магнитом и использует для своих классовых задач. Чтоб это слияние с классом состоялось, нужно с ним известное сродство и тяга к нему под действием социального инстинкта. И только после того, как происходит это социально-психологическое слияние с классом по мотивам совместной борьбы, только после этого, либо одновременно, но только под влиянием этого процесса начинает работать теоретическая мысль в интересах данного класса. Ленин принадлежал к тому героическому поколению нашей интеллигенции, которое в 70-х годах дало кадры для народнического движения и для «Народной Воли», а в 90-х гг. дало умственные силы для рабочего движения. По самым глубоким, наиболее интимным мотивам своего участия в борьбе за коммунизм Ленин был народником, рабочелюбцем, в самом лучшем смысле этого слова, без всякой сентиментальной слащавости; он пуритански строго прятал в себе эти пружины, лишь редко удавалось их подметить в нем. И понятно, почему он их прятал: это было в нем то единственное, чем он отличался от потомственного пролетария, который участвует в борьбе психологически по другим мотивам.

Но эти мотивы есть мотивы социальные. Следовательно, Ленин, и как гений рабочего класса, и как революционер, в одинаковой степени является продуктом социально-классовой необходимости.

III.

Ленин и партия.

Теория исторического материализма, в результате ее применения к конкретным историческим исследованиям, прежде всего повлекла за собой ниспровержение мифов о героях, которых Майн-Риды историографии, начиная с занятных и кончая бездарными и глупыми, типа Иловайского, превратили в демиургов исторического процесса. Начиная анализ всех коренных изменений в общественно-исторической жизни с изучения состояния производительных сил и изменений в экономической структуре общества, марксизм тем самым делает демиургом истории массу, коллектив, миллионы, а не единицы. Но это перемещение центра тяжести на массу не освобождает нас от необходимости изучать роль выдающихся людей в историческом процессе; наоборот, только теория исторического материализма делает возможным заменить здесь простое библиографическое описание научно-социологическим анализом, чрезвычайно плодотворным для понимания всего процесса в целом. И чем глубже будет сделан анализ, тем с более ощутительной ясностью предстанет перед нами динамика каждого великого массового процесса исторического значения, тем более бесспорным будет звучать утверждение, что не великие массовые движения зависят в своем развитии и ходе от руководящих ими гениальных людей, а гениальность этих людей зависит от величины и глубины массовых движений. Гениальность вождя масс есть функция массового движения, это есть само массовое движение в одной из его сторон, в одном из его проявлений. Лишь при такой постановке вопроса делается не-

нужным и скучным занятие по арифметическому вымериванию индивидуальной роли выдающейся личности в истории, смешными кажутся опасения насчет того, что эту роль можно преувеличить за счет массового движения и стихийных процессов.

В этой заметке я хотел бы остановиться на той совершенно исключительной роли, которую играл Ленин в жизни нашей партии, а в последние годы и среди пролетариата и трудящихся масс вообще, как известный организующий и руководящий центр. С этой стороны исследование Ленина, как социологического феномена, представляет глубочайший интерес. Вопрос об отношении Ленина к партии и пролетариату непосредственно переходит в вопрос о внутренней организационной структуре всего инструмента диктатуры пролетариата в нашей стране за шесть лет революции. При этом я понимаю организационную структуру, разумеется, не в техническом, а в широко-социологическом смысле слова.

Для нас представляет наибольший интерес социологическая проблема Ленина с 1917 г., т.-е. с того времени, когда он быстро начал приобретать функцию не только вождя партии и пролетариата, но и вождя трудящихся масс вообще. Однако, для освещения этой проблемы надо посмотреть и на то, что было раньше. Это тем более необходимо, что молодые члены нашей партии совершенно неправильно представляют себе роль Ленина в прошлом нашей партии. Им кажется, что Ленин всегда был тем, чем они его знают за последние годы. Они не знают, как постепенно приобретал Ленин в партии ту исключительную роль, которая характерна для последних 6 лет революции.

Я оставляю в стороне период до II съезда 1903 года, когда Ленин был лишь самым деятельным и самым последовательным из искровцев. Он не имел тогда за собой оформленной фракции, как она стала слагаться, начиная с раскола 1903 г. Наиболее интересным для понимания будущего является из этого периода вышедшая в 1902 г. его брошюра «Что делать?», в которой дан набросок организационной структуры большевистской партии, отвечавшей прежде всего условиям подпольного существования партии, но вместе с тем заключавшей в себе много характерного для большевизма вообще. Лишь после раскола Ленин делается главным лидером фракции большевиков или большевистов, как мы первое время тогда назывались, но отнюдь не лидером такого

авторитета и значения, каким мы его видим после. В это время общепризнанный теоретическим вождем всей партии, считался Плеханов. Лишь очень немногие из наиболее ответственных большевиков имели дерзость развенчать (не публично, а внутренно, для себя только) Плеханова из вождей и начали и теоретическим, и практическим вождем фракции считать Ленина. В этот период вокруг Ленина постепенно начало группироваться ядро большевиков-революционеров, которое начало проводить в России, на практической работе тот тип структуры партии, который отстаивал Ленин в «Что делать?», в своих выступлениях против меньшевиков на II съезде партии, в своей брошюре «Шаг вперед, два шага назад», а также в отдельных статьях. Когда к организационным разногласиям с меньшевиками присоединились в конце 1904 г. («земская кампания») и в 1905 году тактические разногласия, большевистская фракция оформилась не только организационно, но и идейно. Однако, и после того, как Плеханов дискредитировал себя своей оппортунистической оценкой московского восстания («не надо было браться за оружие»), а также защитой лозунга поддержки ответственного кадетского министерства, руководящая роль Ленина в большевистской фракции весьма усилилась, но не сделалась еще доминирующей, как в последующее время. Достаточно вспомнить в этом отношении те настроения, которые были тогда в наших российских большевистских организациях. В конце 1905 года и в начале 1906 наметилась очень сильная тяга к объединению с меньшевиками, под влиянием революции и полевения меньшевиков. (Стокгольмский съезд был назван «объединительным» не только потому, что меньшевики не признавали полномочным нашего III съезда в 1905 году; этот дипломатический выход характеризировал общее настроение наших организаций). В наших большевистских российских организациях авторитет Ленина был велик, но никогда в голову не пришло бы рассматривать каждую его статью, каждое предложение как мнение фракции, как нечто такое, о чем нет большого смысла дискутировать. И это—несмотря на то, что борьба с меньшевиками заставляла большевиков всемерно тушить все свои разногласия внутри, чтобы выступать против другой фракции единым фронтом.

Все у нас знают, какое огромное влияние имел всегда Ленин на всех, кто имел возможность лично его слышать, с ним говорить. Из наших российских организаций лишь

питерская *) имела в период первой революции возможность видеть и слышать Ленина. Все остальные организации знали о нем лишь по его статьям и книжкам и по рассказам лично его видевших. Зато те, кто лично соприкасался с ним, относились к нему как-то совершенно особенно в сравнении с теми, кто его лично не знал. Они видели в нем несравненно больше того, что можно было прочесть в его литературных произведениях. Я знаю одного старого марксиста, члена комитета, который поехал в 1905 году на наш III съезд меньшевистски настроенным, а вернулся убежденным большевиком к ужасу меньшевистской части организации. Однако, и в среде своих близких единомышленников по партии Ленин в тот период был только первым, но не был еще тем одиноким великаном, с совершенно исключительным авторитетом среди масс, каким его сделали две последние революции. Ему приходилось очень часто, очень долго и очень терпеливо убеждать своих ближайших товарищей в своей правоте перед принятием формального решения. Не раз приходилось ему оставаться в своей собственной фракции не только в меньшинстве, но и—были случаи—в одиночестве, хотя и очень не надолго. Об этом расскажет нам картинно со временем тот историк или те историки нашей партии, появления которых мы так безуспешно ждем целые годы. Если бы Ленину удалось работать в России в 1905—7 гг. в наших главных партийных центрах, если бы он не был отделен от массы большевиков, и прежде всего рабочих-большевиков, полицейскими преградами, он уже в первую революцию установил бы гораздо более тесную органическую связь с рабочими, чем это было на самом деле, когда ему приходилось руководить партией через «посредников». Тем более трагичным было положение этого «капитана большого плавания», когда ему приходилось сколачивать в 1908—11 годах разгромленную партию, находясь в эмиграции, вносить бодрость в расстроенные ряды, посылать отдельных работников в Россию, радоваться каждой новой группе партии, возникающей здесь или там, поддерживать переписку даже с отдельными своими сторонниками, инструктировать и т. д. Что знали тогда рабочие массы о своем классовом вожде, что знали они тогда о Ленине?

И когда начался подъем в рабочем движении и в партийной работе 1911—14 гг., то хотя это движение шло под

*) Ленин раз заглянул лишь в Москву и виделся здесь с верхами организации.

лозунгами, которые формулировал Ленин, но даже в самой большой и в самой пролетарской организации партии, в питерской организации, имя Ленина не пользовалось и половиной того авторитета, какой он завоевал впоследствии. Настоящую цену Ленину знала лишь незначительная, руководящая часть партии, в большинстве встречавшаяся с ним лично. Правильность всех его решений и прогнозов за весь период реакции только она одна могла проверить, п. ч. широкие массы партии, не говоря о пролетариате, пережившем период политической апатии, были недостаточно в курсе всех партийных проблем, за исключением важнейших, которые стояли перед нашим ЦК за границей. Впрочем, и эта вера в Ильича не помешала многим старым большевикам уйти из партии или отойти от партии в период реакции 1908—11 гг., с тем, чтобы притти в ее ряды много позже, часто лишь после победы пролетариата. Вера рабочих в Ильича, когда они узнали его ближе, была крепче, органичней, как показали события в позднейший период.

Приведу из нашего партийного прошлого несколько фактов и несколько штрихов, характеризующих отношения партии и Ленина, вернее, руководящих кругов партии и Ленина на крутых поворотах, когда больше всего проявлялась гениальная прозорливость вождя и известный автоматизм старой линии у большинства остальных членов партии.

Летом 1907 года в качестве делегата от Урала я приехал на всероссийскую партийную конференцию в Финляндии. Я ехал туда ярым сторонником бойкота 3-й государственной думы, и всякие рассуждения о полезности участия в выборах считал непростительной меньшевистской ересью. Так же, оказалось, думали и все остальные делегаты-большевики из России, за одним единственным исключением. Таким единственным исключением, таким «меньшевистским» еретиком оказался т. Ленин.

После конференции, подчиняясь ее решениям, все же бойкотисты с таким же жаром стали доказывать рабочим пользу выборов, как перед этим доказывали необходимость бойкота. И мы не пожалели об этом. Прошло некоторое время, и для всех стало ясно, что первая революция проиграна, и тактику большевистской фракции необходимо было изменить в корне.

Этот случай—не единственный случай в нашей партии, когда тов. Ленину приходилось выступать не только про-

тив настроений и взглядов большинства наиболее ответственных товарищей, но и в полном смысле оставаться в одиночестве. В 1909 г. за границей он один противился соглашению с меньшевиками относительно объединенного издательства, и все его худшие предсказания оправдались вполне.

В начале войны он, оторванный от осколков нашей партии в России, выступает против всего II Интернационала и оказывается прав в величайшем из всех споров, которые велись у колыбели мировой революции.

При приезде в Петроград в 1917 г. первыми его словами в разговоре с товарищами были: «Мы должны оставаться в меньшинстве», и его нимало не смущает тот прием, который был оказан его знаменитым тезисам. Его не смущает то, что сегодня он остается в меньшинстве не только в стране, не только среди пролетариата, но и среди собственной партии. Он знает, кто посмеется последним.

После июльских дней мы на переломе. Контр-революция временно победила. Не все понимают, что старая тактика должна быть изменена. Тов. Ленин первый, как и в первую революцию 1905 г., произносит слово «вооруженное восстание».

Дело идет к октябрю. Все слова уже сказаны, и революция уперлась в восстание. Все знают, какое колебание было среди меньшинства некоторых, наиболее ответственных товарищей в связи с вопросом о немедленном восстании. Тов. Ленин пишет свои знаменитые фельетоны в «Правде»: «Кризис назрел», и весь вес своего авторитета, всю сталь своей логики, всю веру в победу и в то, что победить нужно именно теперь, бросает на весы восстания. Его без пышных фраз, а по правде, нужно назвать душой и мозгом Октябрьской революции. Что это значит,—станет видно, когда будет перелистана последняя страница мировой пролетарской революции, и когда малые дети будут знать, какой гирей и на какие весы упали эти фельетоны и частные письма к товарищам.

Период Брестского мира. На совещаниях ответственных работников огромное большинство за революционную войну: великая революция, которая не может защитить себя в войне—не революция. Владимир Ильич знает свою правду, он знает, кто будет плакать последним. И здесь он идет против сильного течения в партии,—не в первый раз и не в последний.

На поворотах истории, когда нужно повернуть тактический руль, партийная масса идет по инерции в старом направлении, думает по-старому, действует по-старому, в лучшем случае, начинает колебаться и понемногу учитывать изменение. Роль вождей в такие моменты—ускорить ход событий и, убедившись в необходимости поворота, целиком перебросить весь партийный аппарат на новые рельсы. Бебель делал это, приспособляясь к партийной массе, идя на аршин дальше ее, поднимаясь на один вершок над ее головой. Тов. Ленин ставит новые задачи во всем объеме и никогда не руководится вопросом, будет ли вся партия с ним, будет ли с ним большинство, будет ли вся партия против него.

Поэтому именно он и его позиция вызывали наиболее ожесточенные споры в переломные моменты. Вождь, который сам идет за партией, но только забежав немного вперед,—не вождь, а рядовой первой колонны. Партия, которая, не рассуждая, идет за вождем,—не партия, а рота солдат. Наша партия шла за своим вождем, всегда упираясь на поворотах, как бы требуя у истории времени для размышления. Она добросовестно старалась убедиться в том, как лучше. И если это отнимает лишнее время, то упрек надо отнести к судьбе, которая не сделала гениальность качеством масс.

Безошибочность оценок Владимира Ильича так часто подтверждалась практикой, что в нашей партии даже сложилась поговорка: «Голосуй с Ильичом, — не ошибешься». Никто так чутко не следил за всеми изменениями в обстановке, никто не являлся лучшим диалектиком, как тов. Ленин. Он видит, как еле заметный процесс все усиливается, как в один прекрасный день количество переходит в качество, и как на это изменение в обстановке надо ответить изменением тактики. Но бедняга-коммунист, который спасает себя от ошибки, голосуя с Ильичом на веру, он-то не видит этих изменений, он продолжает и сегодня распинаться перед массами за то, что вчера считал правильным Ильич! Он даже прибавит кое-что от себя, перегнет еще палку, относительное превратит в абсолютное. Ведь, масса, среди которой он работает, как еще давно отметил Лассаль, рассуждает метафизически: «да, да, нет, нет, а что сверх того, то от лукавого». Как ему во-время учесть, что вчерашняя правда уже делается полуправдой вечером, а завтра становится целиком «от лукавого»?

Лишь после Февральской революции, когда Ленин вернулся в Россию, правильность его лозунгов начала проверяться массами на опыте их собственной борьбы. С этого времени он делается вождем масс, работа его мозга превращается постепенно в необходимейшую составную часть коллективного разума рабочего класса. Вопрос, «а как думает об этом Ленин?», является первым вопросом массовика-рабочего всегда, когда ему приходится определять свое отношение к тем или иным событиям. Этот авторитет Ленина в огромной степени вырос после Бреста, хотя внутри собственной партии Ленину приходилось и в этом вопросе, и в других, более мелких, преодолевать весьма значительное сопротивление.

Отношение к войне, временному правительству, Октябрьской революции, завоевание земли для крестьян, Брестский мир, гражданская война, отношение к иностранным капиталистическим государствам и т. п.,—вот те основные проблемы, на которых гений Ленина был проверен массами, и проверка потом подкреплена окончательно победой пролетариата и систематическим улучшением его материального положения.

При таком грузе доверия миллионов к Ленину должно было существенным образом измениться и отношение партии и ее руководящей части ко всем предложениям Ленина в основных вопросах. Формально, разумеется, ничто не изменилось в функциях ЦК, конференций и партийных съездов. Но удельный вес слова и мнения Ленина стал другим. В партию стучалась с этими предложениями воля миллионов. Это знала и партия, и сам Ленин. Установление в партии отношений, которые опирались, в свою очередь, на отношения, сложившиеся стихийно и незаметно за стенами партии, зависело уже не только от партии и, пожалуй, еще меньше от него лично. Его авторитет в массах носил какой-то сверхличный характер. Ленин превратился в своеобразный организационный центр, непосредственно связанный с миллионами. Этот центр никогда не был противопоставлен официальным партийным и советским центрам, он действовал через них, но в то же время какими-то путями также на-ряду с ними. Кроме отношений партии к ЦК, имелось еще отношение партии к Ленину. Кроме отношений беспартийных рабоче-крестьянских масс к партии коммунистов, имелось отношение их к Ленину. Единственный раз, когда Ленин разошелся с боль-

шинством ЦК по основному вопросу, по вопросу о немедленном заключении мира с немцами, расхождение не было поставлено на решение партии и рабочего класса тогда же, когда оно возникло; Ленин подчинился решению, с которым был несогласен, и проверка произошла позднее. Но если б по какому-либо из коренных вопросов, которые вообще стояли перед партией и революцией, произошло расхождение между, скажем, ЦК и Лениным или партсъездом и Лениным, и вопрос был бы поставлен на референдум как партии, так и рабочего класса вообще, то очень мало шансов, чтобы именно Ленин остался в меньшинстве. Это могло быть разве по одному из тех вопросов, где Ленин оказался бы против каких-либо предрассудков массы или автоматизма классовой ненависти, затруднявшей маневрирование (например, вопрос о спецах и т. д.). Но если, к счастью для нашей партии и нашей революции, не было еще случая, чтобы рабочая масса решала голосованием спор между Лениным и большинством партии, если Ленин всегда выступал от имени партии и от имени Советской власти, то сами массы не раз проводили борозду между тем и другим. Достаточно вспомнить о крестьянской вере в большевика Ленина, которого деревня противопоставляла коммунистам. Но еще более важным является тот факт, что в наиболее трудные моменты жизни нашей партии, в период голодовки пролетариата, несомненно, среди малосознательных рядовых рабочих Ленин пользовался большим авторитетом, чем коллектив РКП.

Коммунистическая партия есть инструмент для руководства борьбой рабочих масс. Здесь этот инструмент был вздвоен, при чем второй инструмент руководства никогда не противостоял первому.

В результате непрерывного роста авторитета Ленина и в партии, и в рабочем классе, увеличивавшегося с каждым правильно принятым под его руководством решением, внутри партии установилась такая система отношений между всеми коммунистами и их вождем, которая напоминала что-то в роде деловой диктатуры, основанной на доверии. Я употребляю этот термин «диктатура» условно, потому что он не определяет полностью и точно те отношения, которые здесь создались. Быть-может, нужно было бы придумать какое-либо иное слово, которое вернее характеризовало бы существо дела. Важно лишь здесь подчеркнуть, что эта диктатура вытекала не только из отношения Ленина к партии,

но и из непосредственных отношений Ленина к рабочему классу.

Именно поэтому было бы доктринерством и педантизмом рассматривать фактическую роль Ленина в партии и государственном аппарате с чисто-формальной, конституционной точки зрения, не перенося центр тяжести на классовый смысл ленинского авторитета. Наши политические противники совершенно сознательно и, с точки зрения защиты интересов контр-революции, совершенно правильно игнорировали этот последний факт и несколько лет вопили на весь мир о ленинской диктатуре, как об узурпации власти народных масс. Здесь принципиальные защитники не только фактической, но и формальной диктатуры Колчаков, Врангелей и Деникиных ничем не отличались от «демократов» меньшевистско-эсеровского толка. В этом отношении характерна передовица в № 2 «Социалистического Вестника» за 1924 г., посвященная смерти Ленина. В этой передовице о Ленине мы читаем: «Его гений состоял в том, что он умел уловить все колебания стихии, ее подземные порывы, как и судороги ее разложения, умел нащупать родственные ей струи и в мировом рабочем движении, отравленном войной, и всем этим умел воспользоваться, чтобы на этом зыбком фундаменте возводить трон своей идее, которая воплощалась в нем самом. Ибо таким вождем такой стихии только и может быть человек, который фанатично верит в свою историческую миссию, в свою историческую предназначенность и потому свою непогрешимость.

Ленин в высочайшей степени обладал всеми этими свойствами вождя секты. Лично он был совершенно лишен тщеславия, бескорыстен, в буквальном смысле слова «горел идеей». Но сквозь все его шатания и колебания... красной нитью проходит за все тридцать лет один незыблемый руководящий принцип: «Партия—это я! Рабочий класс—это я! Коммунизм—это я! Государство пролетарской диктатуры—это я!».

Меньшевики, которые обычно кичатся своим умением передразнивать марксистский жаргон и приводить нужные цитаты, потому становятся в этой характеристике роли Ленина на чисто-идеалистическую точку зрения или, если хотите, на точку зрения «субъективной социологии» Михайловского, что им невыгодно поставить на обсуждение основной факт, а именно непосредственную поддержку Ленина

миллионами рабочих и крестьянских масс, глубоко классовый характер его «личного» авторитета. Этот факт, подтвержденный той совершенно изумительной реакцией, которую мы видели и видим, на смерть Ленина со стороны рабочего класса, еще ярче подчеркивает всю тупость и эмигрантский кретинизм этого некролога.

Если так-называемая «диктатура» Ленина существовала, как факт, в том смысле, как мы раньше очертили, то она существовала волею рабочего класса, который сам выбрал Ленина из ста пятидесяти миллионов индивидуумов России, сам сделал своим рулевым, сам установил с ним непосредственную связь и сделал организующим центром в процессе своего революционного классового самоопределения. Таким «диктатором» в мировом рабочем движении был бы Маркс (каким он был и остается в области теории пролетариата), если бы он жил в эпоху пролетарских революций, если бы ему не было суждено умереть в обстановке приспособления верхов рабочего класса к капитализму, умереть почти непонятым в окружении пошляков и ослов из германской социал-демократии. Но Ленину суждена была лучшая доля. Вместе с рабочим классом, которым он руководил, Ленин перевел на язык реальной классовой борьбы и реальной революции те знаменитые слова «Капитала», где Маркс говорил: «Капиталистическая оболочка разрывается. Бьет час капиталистической собственности. Экспроприаторы экспроприируются». Он первый начал рвать эту оболочку, провозгласив перед Октябрем свое бессмертное «кризис назрел», и провел через прорыв этой оболочки капитала рабочий класс к победе. С этого момента он стал неразрывной составной частью тела и мозга пролетариата, всеми признанным вождем, за которым с верой и с надеждой на лучшие дни плелся, отпадая с голода и усталости, даже самый последний, отсталый и малосознательный сын рабочего класса в 1918—23 годах.

А они: «вождь секты», «коммунизм—это я!».

Надо быть жалкими пошляками и тупицами, чтобы на сантиметры своей ограниченности мерить как грандиозный исторический переворот, так и его великого вождя, не понимая ничего во внутренней связи этого переворота с гением Ленина.

Уже из сказанного выше видно, что существо той роли, которую играл в нашей партии Ленин, не имело в своей основе ни грани случайности или произвольности. Его так-назы-

ваемая «диктатура» была лишь функцией диктатуры пролетариата в условиях советской действительности. Рабочий класс и партия нащупали тут чисто-практически, более стихийно, чем сознательно, такую форму организации и расстановки людей, и распределения ответственности, которая обеспечивала достижение классовых целей пролетариата с наименьшей тратой сил. Что достижение этих целей было в максимальной мере обеспечено, благодаря тому авторитету, каким пользовался в партии Ленин,—проверено на опыте.

В централизованной партии, но остающейся одновременно массовой партией рабочего класса, выработка наиболее целесообразных решений при сохранении максимального единства и быстроты в действии представляет из себя крайне сложную и трудную проблему. Решение этой проблемы при наличии такого вождя, как Ленин, и без такого вождя не может быть одинаковым. Это две разные ситуации; здесь перед нами, если говорить не о формальной стороне дела, а по существу, два разных варианта в области идейной и практической организации масс. Вариант с вождем исключительного значения, оставляя без изменения форму организации, а, может-быть, даже усложняя вопрос о разных формальных моментах, упрощает и облегчает решение проблемы по существу. Вариант без вождя усложняет самый вопрос по существу и требует замены той социальной функции, которую выполнял вождь, соответствующим эквивалентом в отношении партии и ее центров с рабочей массой и в изменении, в связи с этим, методов работы внутри партии.

Тот совершенно изумительный мощный поток в нашу партию беспартийных рабочих от станка, который начался после кончины Ленина, говорит о том, что рабочий класс сам пытается нащупать решение проблемы. Пролетариат сам пытается заместить ту брешь, которая образовалась в системе рабочей диктатуры со смертью Ленина и восстановить в прежнем объеме связь класса с партией при отсутствии гения Ленина. Этот процесс в рабочем классе, с одной стороны, является логическим развитием той нигде в мире не виданной формы отношений класса к партии, которая наметилась еще во время чистки РКП. Буржуазная демократия знает систему выборов в парламент, т.-е. в правительство страны, избирателями представителей политических партий но только при рабочей диктатуре впервые намечается тенденция не только к выбору представителей партии в советы,

т.-е. в органы власти, но и к контролю, а теперь прямо к выборам пролетариатом состава своей правящей рабочей партии. Быть-может, здесь вписывается новая страница в теорию и практику советского государства вообще. С другой стороны, весь этот процесс с совершенно неожиданной стороны и с необычайной убедительностью подтверждает положение о том, что гений Ленина был и продуктом и функцией рабочей революции, был продуктом и функцией классового движения пролетариата, который теперь сам массовым порывом пытается залечить на своем теле эту зияющую рану.

IV.

Немного психологии.

(Гений и одиночество).

Один из героев Ибсена говорит: «Наиболее силен тот, кто наиболее одинок».

Эта мысль, как и вообще всякое утверждение в абсолютной форме, неверна, потому что преувеличенна, обща. Но она, вероятно, очень подходит для характеристики многих гениальных людей. Особенно же верна она в отношении Владимира Ильича. Это изречение надо только иначе формулировать: тот, кто наиболее силен социально, тот часто наиболее одинок психологически.

Правда, не всегда одиночество—признак силы. Оно может быть признаком слабости, большей, чем средняя. Тогда одиночество и отчужденность от коллектива служат лишь средством скрыть эту слабость, которая на людях особенно была бы видна. А последнее не для всякого самолюбия приятно. И, наоборот, не всегда растворение в коллективе бывает признаком слабости, жаждой чужой помощи, стихийным стремлением взяться за руки других и итти только общей цепью: один за всех и все за одного. Не всегда это паника индивидуума перед своей одинокой слабостью. Иногда такое растворение необходимо и для сильных натур в интересах классовой борьбы. И чем более сильно представлены в таких натурах интересы коллектива, тем с большей готовностью, тем более самопроизвольно они идут на обкарнание резких углов своей индивидуальности, от коей неловко бывает плечам соседа, тем легче они соглашаются, когда нужно, играть роль не столько вождей и рулевых, сколько роль цемента движущейся вперед массы. Владимиру Ильичу в высокой

мере свойственно было чувство товарищества и артельности. Все, кто сталкивался с ним не только в сфере официальных, деловых сношений, знают, какой это был отзывчивый, чуткий, прекрасный товарищ и на работе, и в частной жизни.

Прибавьте к этому очень большое чувство солидарности в узком смысле, готовность стать горой за отдельного сочлена по фракции (при готовности одновременно пожертвовать лучшим другом в политических интересах, т.-е. в интересах революции и пролетариата), а также большую нелюбовь В. И. к слову «я». Этого слова он всегда избегает, заменяя его «мы», «партия», даже там, где дело идет о заслугах, новых идеях, победах, достижениях, которыми партия обязана лично Владимиру Ильичу. Это слово В. И. стал употреблять чаще лишь потому, что, как председателю Совнаркома, ему приходилось часто говорить и давать отчет о лично им сделанном.

Как же может быть одиноким такой человек, слившийся с классовым телом пролетариата в химическом сродстве и любимый этим пролетариатом так, как, вероятно, не был любим и уважаем ни один вождь ни одного класса в человеческой истории?

Одиночество В. И. было особого рода. Оно распространяется не на ту область, где партия и масса живет с ним вместе и понимает его, а на ту область, которая массам недоступна. Гений одинок в лаборатории своего мозга. Здесь ему могут помочь в работе другие, сами часто не зная, когда и чем они помогают, но они не хозяева там, где хозяин сам мастер. Если над сосновым бором высится большая сосна, нельзя сказать, что она стоит вне леса и не живет с ним одной жизнью. Но она живет еще и своей жизнью, до уровня которой не подняться другим соснам: она видит больше света и солнца, она смотрит поверх самых высоких сосен из массива и видит далекие не доступные другим горизонты.

Вождь считает «миллионами и миллиардами, а не сотнями и тысячами» (любимое выражение В. И.). Он должен смотреть на ту часть социального бытия, откуда просачивается все новое, откуда может грозить и катастрофа, и обвал, и появление новых сил противника или попутный ветер революции. Он должен следить за теми изменениями социальной материи, которые имеют принципиальное значение, которые определяют ближайшие судьбы страны и тактику партии.

За всем этим, конечно, обязан следить каждый член партии, если не хочет быть простой воблой в массовом дви-

жении или бараном стихийности. Но вождь должен следить прежде всего и больше всего. Это—его обязанность по преимуществу, и особенно ответственной и тяжкой стала эта обязанность для Владимира Ильича, когда, после долгого испытания в политической борьбе, он как-то постепенно превратился в такого вестового, в такого рулевого, от слова которого стало зависеть бесконечно много для успеха нашего дела. Кому другому можно воздержаться от голосования при обсуждении важнейшего вопроса, когда последствия того или иного решения трудно предвидеть; кому другому можно ошибаться не раз и не два,—ему нельзя. Его ошибка при создавшемся положении в партии, с исключительным вождем во главе и исключительным доверием к вождю, автоматически превращалась бы в ошибку всей партии, может-быть, в поражение революции. Он впрягся в воз революции, где он был одновременно и коренником, и кучером. (Этот воз, из которого нельзя было выпрячься на быстром ходу, и надломил его своей нечеловеческой тяжестью...).

Но находясь под этой тяжестью неизмеримо огромной ответственности и вынужденный оправдывать ее ежедневно, ежечасно, он с тем большей энергией налегал на лабораторию своего большого мозга, который, так победоносно служил делу пролетарской революции. В этой работе у него было много помощников, но заменить или заместить его никто не мог. Он это знает, это испытано на опыте, и знание этого—не результат его личной преувеличенной оценки самого себя (в этом он за всю жизнь не произнес ни одного фальшивого звука, в то время, как вообще вожди обыкновенно не сродни со скромностью), а императивный приговор партии. Он никому не доверяет, он должен все прощупать сам и сам продумать. Он выработал в этой удивительной лаборатории много бывших одному ему только известных, и, может-быть, в большинстве одному ему только доступных, приемов узнавать истину по ее внешним признакам, часто едва уловимым. Об этих приемах, этих рабочих подсобных лесах при внутренней работе он никому не рассказывал и не расскажет. Нам можно уловить теперь лишь алгебраические правила его политической стратегии и тактики на основании всех выдвигавшихся им решений за все время существования нашей партии, и изучать их, как изучают в высших военных школах стратегию и тактику крупнейших военных кампаний и отдельных сражений.

Наиболее типичным является для В. И. два состояния:

состояние жадного внимания ко всему новому, что дает ключ к решению политических проблем, и состояние скуки.

Когда В. И. слушает предложения товарищей по тому или другому вопросу, для него всегда важны не столько самые предложения, а то, чем они мотивируются. Он не любит, когда ему подсовывают готовые решения; на основании своего богатого опыта он знает их скромную ценность. Другое дело—мотивировка. Здесь можно узнать новое, что, может-быть, ляжет в основу его решения, при чем на основании тех же данных, это решение нередко диаметрально противоположно тому, что предлагалось. Он ловит это новое всюду—в книге, газете, личном разговоре, на заседании, из расспросов крестьянина, у которого ночует на охоте.

Когда же восприемники внимания, жадно впитывающие новые факты, подобно сосунам большого водопровода, вбирающего воду, не действуют, когда он вынужден слушать что-либо по обязанности, что не нужно для лаборатории его мозга, он скучает. На собрании, на заседании, съезде, где дебатируется вопрос, который он уже продумал, но еще не продумали другие товарищи, он скучает. Решение для него ясно, оно будет проводиться, к нему придут, если даже теперь с ним не согласятся. Он это знает и подчиняется необходимости пожертвовать необходимое (минимально необходимое) количество времени и сил на предоление сопротивления многих, не всегда податливых и «быстрых разумом» мозгов, преодолевая при этом и силу сопротивления скуке. Надо говорить, слушать, еще раз говорить. Прикидываясь, что слушает, он пытается пустить сосуны своего внимания на полезную работу: читает тайком искоса газету, изучает потихоньку чешскую грамматику на заседаниях политбюро (и не раз попадается с поличным); либо же он пишет записку какому-либо товарищу (сколько их написано!), насчет совсем другого вопроса, где надо «двинуть дело», «обратить внимание», дать сообщение с новыми фактами (три раза подчеркнуто «новыми»,—прошу, мол, фактов и притом новых, а твоего мнения не спрашиваю). И пока воз соратников по работе стоит, застрявши на стадии обсуждения, его голова работает дальше этого, для него уже пройденного этапа. Ведь, еще десятки других вопросов на очереди. А день короток.

Надо итти вперед. Жизнь не ждет, все течет, все изменяется. Многие знают эти слова, но много меньше тех, которые чувствуют динамику вечно текущей реки жизни, и еще меньше тех, которые преодолели консервативность при-

митивной, домарксистской психики, которая рационализирует в голове действительность, чтобы от благоустроенного таким образом бытия вдруг получить неожиданно один удар по носу за другим.

Пока диалектика жизни с ее противоречиями и пестротой не рационализирована усилиями коллективного разума, В. И. предпочитает рационализировать свой разум применительно к диалектике жизни. Он достиг в этом максимума того, чего достиг когда-либо и где-либо человеческий ум. И это составляет его главную силу, как вождя партии и революции (если у революции вообще могут быть вожди). Но это же делает его и самым одиноким человеком в нашей партии, несмотря на ее совершенно исключительный, по своей марксистской подготовке и революционному опыту, состав. Это одиночество—не упрек партии. Это—благодарность судьбе за совершенно исключительного по богатству духовных сил гения, гения тов. Ленина, мозг которого представлял из себя ценнейшее приспособление мирового пролетариата в его тяжелой борьбе за коммунизм.

Таким образом, утверждение об одиночестве Ленина лишь кажется парадоксальным. Как его гений был лишь функцией массового пролетарского движения, так и его одиночество было лишь функцией его гениальности.

Не является парадоксальным и другое утверждение, касающееся его национальной характеристики. Тов. Ленин, по выражению тов. Рязанова, является самой национальной фигурой русского пролетарского движения. А, ведь, основное свойство россиян — итти воблой, массой, действовать скопом, артелью. Мало того: русский человек ленив,—тов. Ленин воплощенное трудолюбие. Русский человек по природе неаккуратен и склонен к разгильдяйству,—тов. Ленин точен, как лучший немец, и на заседания является минута в минуту. Русский человек неровен, порывист, быстро вспыхивает, быстро охладевает, не доводя дело до конца,—тов. Ленин настойчив и упорен, как англичанин. Русский человек склонен бодрствовать ночи за широчайшими планами и засыпать на маленьких делах,—тов. Ленин ничего так сильно не ненавидит и не презирает, как оторванные от жизни пустые абстракции, мыльнопузырные планы, интеллигентское фразерство. И в то же время каждый из нас знает, чувствует и голову готов дать на отсечение, что Владимир Ильич не немец, не француз, не англичанин, а наш, природный наш, «рассейский». В чем же разгадка?

Мне кажется в том, что мы исходим из оценки русского характера, сложившегося за столетия крепостного права, за полстолетие после него, и не учли тех изменений, которые произошли в последние десятилетия. А за это время капитализм в значительной степени подготовил и вышколил, а революция и гражданская война отчеканили новый тип русского человека, тип русского пролетарского человека.

И наиболее ярким, могучим, вылитым по гениальной модели и художественно-законченным выражением в одном лице этого коллективного новообразования является фигура тов. Ленина.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
От автора	5
I. Несколько общих замечаний	7
II. Ленин—гений рабочего класса	14
III. Ленин и партия	33
IV. Немного психологии	46

Цена 22 коп. черв.

Ар. 25к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР — Москва, Воздвиженка, 9 (ход с Крестовоздвиженского пер.).

ОТДЕЛЕНИЕ ИЗД-ВА — Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

1. Москва, пл. Свердлова, 2-й Дом Советов — „Серп и Молот“.
2. Москва, Сретенка, дом № 8.
3. Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.